

Вскоре Ань Цзыянь, до этого находившийся в глубоком забытии, медленно открыл глаза. Слабость сковала его тело, мешая разглядеть лицо державшего его человека. Лишь мгновение спустя он осознал, что полностью обнаженным покоем в теплой воде источника, а чьи-то надежные руки бережно поддерживают его, не давая уйти на дно.

Заметив, что юноша пришел в себя, Чоу Хуайшэн тут же убрал руки. Оставшись без опоры, Цзыянь не удержался и начал медленно соскальзывать под воду.

— Ах! — испуганно вскрикнул Ань Цзыянь.

Чоу Хуайшэн мгновенно среагировал и крепко перехватил его одной рукой, вытягивая на поверхность. На самом деле источник был неглубоким, едва доходил Хуайшэну до пояса, но Цзыянь полулежал в воде, совершенно обессиленный после обморока, и без посторонней помощи просто не мог удержаться на плаву.

— Раз уж ты очнулся, побудь в воде еще немного. Тебе нужно прогреться еще минут пятнадцать, не больше, — неловко проговорил Чоу Хуайшэн.

И хотя оба они были мужчинами, вид чужого нагого тела заставил его смущенно отвести взгляд.

Ань Цзыянь лишь безмолвно кивнул. Смущение Чоу Хуайшэна передалось и ему. С самого детства никто, кроме отца-вана и папы, не видел его нагим. И теперь, оказавшись обнаженным перед едва знакомым юношей, он чувствовал, как к щекам приливает жар — пусть даже перед ним стоял такой же мужчина.

Как только Чоу Хуайшэн поднялся на берег и скрылся из виду, Цзыянь наконец облегченно вздохнул и расслабился. Он погрузился в воду по самый подбородок, подставив теплему течению озябшее тело. Вспомнив лесную чащу на горе Небесного Духа, он содрогнулся — ему казалось, что там, среди сырых деревьев, его жизненный путь оборвется навсегда. И все же судьба сжалилась, подарив еще один шанс. Старики говаривали, что уцелевшего в смертельной беде непременно ждет великая благодать. Быть может, и его впереди ждет счастье?

— Оставайся в воде, а я пойду сменю одежду, — раздался голос Чоу Хуайшэна из-за бамбуковой ширмы.

Его собственное одеяние насквозь вымокло в источнике и теперь неприятно липло к телу. Вечера на горе Небесного Духа дышали прохладой, и даже многолетние занятия боевыми искусствами не спасали от сырого холода, пробиравшего до костей. Оставлять на себе мокрую ткань было бы верхом безрассудства.

— Ступай, брат Хуайшэн, — отозвался Ань Цзыянь.

Оставшись в полном одиночестве среди клубящегося над водой пара, Цзыянь почувствовал, как уходит последнее напряжение.

С ранних лет он знал о своей особенной природе. Знал, что рожден Гэером и никогда не сможет связать жизнь с женщиной. Втайне он, конечно, мечтал, что однажды встретит человека, который полюбит его всем сердцем — точно так же, как отец-ван оберегал и лелеял его папу. В конце концов, в стране Юй союзы между мужчинами не были редкостью, и никто не посчитал бы это греховным. Но шло время, тело его слабело с каждым днем, и юноша перестал надеяться на встречу с суженым. Какая уж тут любовь, если каждый день превратился в мучительную борьбу за выживание? Он просто угасал, покорно ожидая конца. Лишь после встречи с Истинным владыкой Сюаньцином в его душе вновь затеплился слабый огонек надежды.

Теперь, согретый целебным источником, Цзыянь думал лишь об одном: едва недуг отступит, он покинет душные стены покоев и отправится странствовать. Ему так хотелось увидеть бескрайние просторы родной страны Юй, которыми раньше он мог любоваться лишь из окна постели.

Он вспомнил, как в детстве тайком выпустил на волю любимого певчего дрозда своего отца. Отец тогда не на шутку рассердился и принялся отчитывать сына, но маленький Цзыянь, заливаясь слезами, упрямо твердил:

«Я просто не хотел, чтобы он сидел в клетке, как я! Я болен и не могу выйти, но птица ведь здорова, она должна летать свободно!»

Ему тогда едва исполнилось семь лет. Услышав горькие слова больного ребенка, Ань Шаоцин замолчал от раскаяния. В тот же день принц-регент приказал открыть все клетки в поместье и выпустить птиц на волю. С тех пор, какую бы шалость ни совершил Цзыянь, отец больше ни разу не поднял на него голос.

Цзыянь поднял глаза к ночному небу, где в бархатной вышине сияла ясная, безупречно круглая луна. На душе у него сделалось на удивление легко и покойно — он уже и забыл, когда чувствовал себя так в последний раз.

Вскоре послышался шорох шагов. Чоу Хуайшэн вернулся, неся в руках охапку чистой одежды.

— Пора выходить, вода сделала свое дело.

— Брат Хуайшэн, не мог бы ты... отвернуться? — нерешительно попросил Ань Цзыянь.

Услышав эту тихую просьбу, Чоу Хуайшэн спохватился. Они оба были молоды, и хотя ему уже приходилось раздевать Цзыяня, пока тот лежал без чувств, тогда рядом находился учитель. Теперь же они остались наедине, Цзыянь пришел в себя, и стоять вот так, разглядывая его, было по меньшей мере неблагородно.

— Я оставлю одежду здесь, на бамбуковой ветке, — торопливо ответил Хуайшэн. — Поднимешься и оденешься сам. Я подожду чуть дальше, на тропе.

С этими словами он повесил вещи и поспешно скрылся в тени бамбуковой рощи.

Убедившись, что остался один, Цзянь неторопливо поднялся из воды. Из-за долгого пребывания в горячем источнике голова его на мгновение закружилась, а в теле появилась легкая слабость. Ему пришлось опереться о скользкий бамбуковый ствол, чтобы удержаться на ногах. Когда дурнота прошла, он подошел к вещам и принялся бережно одеваться: сначала тонкое нижнее белье, затем свободные штаны и рубаху-чжуньи, поверх накинул плотный халат и, наконец, завязал на плечах короткий теплый плащ.

При бледном свете луны он оглядел себя. Ткань одеяния была простой, совсем не похожей на те изысканные шелка, что носили в столице, но в этой простоте крылось свое, особое изящество. Собственного мокрого одеяния он нигде не нашел — должно быть, Хуайшэн унес его сушиться. Не желая задерживаться, Цзянь осторожно пошел по тропинке вслед за своим спасителем.

Чоу Хуайшэн ждал его у поворота тропы. Окинув Цзяня быстрым взглядом, он мысленно улыбнулся. Юноша был облачен в его собственное даосское одеяние, которое оказалось ему слегка великовато, но сидело на удивление гармонично, подчеркивая хрупкую статью. Лицо гостя больше не казалось мертвенно-бледным, щеки тронул едва заметный румянец — целебный источник действительно сотворил маленькое чудо. Обычно купание на голодный желудок вредит слабому телу, но вода этого скрытого источника словно напитала Цзяня жизненными силами.

— На кухне уже все готово, — мягко произнес Хуайшэн. — Ты не ел весь день, должно быть, проголодался.

Цзянь согласно кивнул — при упоминании о еде в желудке и впрямь сиротливо заурчало.

— Идем, — Хуайшэн развернулся и зашагал по выложенной камнем дорожке.

Цзянь послушно следовал за ним, держась на почтительном расстоянии в пять шагов.

Вскоре они дошли до скромного жилища Хуайшэна. Посреди небольшой уютной залы стоял круглый деревянный стол, уставленный дымящимися плошками. Было видно, что повар готовил обед с особым тщанием: все блюда были легкими, но в то же время удивительно сытными. Цзянь с любопытством оглядел угощение — многих трав и корней, разложенных по тарелкам, он никогда не видел в поместье принца-регента.

— Учитель сам велел приготовить это для тебя, — пояснил Хуайшэн, усаживая гостя и пододвигая к нему пиалы. — Эти блюда одновременно служат и лекарством, и пищей. Они помогут тебе поскорее восстановить силы. Ешь, пока не остыло.

С этими словами он заботливо положил в пиалу Цзыяня порцию тушеных корнейев.

Последний месяц Цзыянь сидел на строжайшей диете из пресного рисового отвара, поэтому теперь, почувствовав аромат настоящей еды, он без колебаний взял палочки. Первый же кусочек наполнил рот тонким, изысканным вкусом. Аромат блюда раскрывался постепенно: с каждым укусом вкус становился все глубже и насыщеннее, не вызывая при этом ни малейшей тяжести. Блюда казались простыми на вид, но таили в себе благородную изысканность.

Голод и превосходный вкус сделали свое дело — Цзыянь ел быстро и с аппетитом. Лишь когда приятное тепло сытости разлилось по телу, он отложил палочки и внезапно осознал, что все это время Хуайшэн лишь молча наблюдал за ним, так и не прикоснувшись к еде.

— Брат Хуайшэн? А почему ты не ешь? Совсем не голоден? — смутился Цзыянь.

Он понимал, что юноша не отходил от него ни на минуту с момента спасения, а значит, тоже остался без ужина.

Хуайшэн словно очнулся от глубоких раздумий. Действительно, засмотревшись на то, с каким аппетитом ест его гость, он совсем забыл о собственной пиале. С легкой улыбкой он принялся за ужин, и теперь уже Цзыянь с тихой радостью наблюдал за своим спасителем.

После ужина Хуайшэн собрал посуду. Цзыянь порывался помочь, но тот мягко, но решительно остановил его, сославшись на вечернюю прохладу горы Небесного Духа. И действительно, здешний воздух разительно отличался от теплого столичного климата. Цзыянь невольно подумал: если даже сейчас, в разгар лета, здесь так свежо, каково же ему придется суровой зимой? Сможет ли его хрупкое тело выдержать эти холода?

Пока хозяин дома отсутствовал, Цзыянь принялся неторопливо рассматривать убранство залы. Смотреть, по правде говоря, было особо не на что: у стены стоял простой деревянный стеллаж, на полках которого покоились несколько фарфоровых ваз. Здесь были изящные сосуды с подглазурной росписью кобальтом и редкие образцы с медно-красным декором юлихун. Каждое изделие отличалось безупречной работой, а тончайшая сквозная резьба на некоторых из них выдавала руку великого мастера. Цзыянь осторожно приподнял одну из пиал и заглянул на доньшко — клеймо указывало на происхождение из знаменитых древних печей. Эти вещи были настоящими бесценными реликвиями. Впрочем, Цзыянь не слишком разбирался в тонкостях гончарного искусства, поэтому, удовлетворив любопытство, он бережно вернул вазу на место и присел на бамбуковый табурет.

Вскоре вернулся Чоу Хуайшэн.

— Я только что проверил павильон Хранящий Облака, — со вздохом произнес он. — Там еще не закончили уборку. Боюсь, сегодня тебе придется потесниться и переночевать со мной в одной комнате. Надеюсь, тебя это не стеснит?

— Что ты, брат Хуайшэн! — поспешно отозвался Цзыянь. — Это я обременяю тебя своим присутствием.

На самом деле он даже обрадовался. На этой огромной, чужой горе он не знал никого, кроме старого мастера Сюаньцина и самого Хуайшэна. Перспектива остаться ночью одному в незнакомом месте пугала его. В столичном поместье принца-регента слуги всегда были готовы развлечь его беседой, а здесь у каждого даоса были свои строгие послушания, и одиночество могло стать невыносимым.

— День выдался тяжелым, тебе нужно как следует отдохнуть. Идем, я покажу твою постель, — Хуайшэн жестом пригласил его в спальню.

Поскольку в этой комнате давно никто не спал, Хуайшэн скоро сменил постельное белье, застелив кровать свежими простынями. Цзыянь снял теплый плащ, верхний халат и аккуратно забрался под тяжелое стеганое одеяло.

— Брат Хуайшэн, а ты разве не ложишься? — спросил он, заметив, что юноша медлит у дверей.

Хуайшэн на мгновение замешкался, но затем кивнул. Сняв верхнее одеяние, он задул свечу и бесшумно лег на противоположный край просторного ложа. Цзыянь закрыл глаза. Напряжение этого сумасшедшего дня наконец отпустило его, уступая место спасительному сну. Вскоре мерное дыхание обоих юношей слилось с тихим шорохом бамбуковых листьев за окном.